

ТРИ ЮБИЛЕЯ И ВЛАСТЬ-ЮБИЛЯР

Инновационная власть пытается соблазнить экономику

Глеб Павловский

ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ — президент Фонда эффективной политики, главный редактор «Русского журнала»

Четвертый март

В марте — месяце, куда отречение Бориса Ельцина сдвинуло президентские выборы — политический класс вспоминает две даты: двухлетие выборов президента Дмитрия Медведева и десятилетие со дня, когда президентом впервые был выбран Владимир Путин. Даты **2 марта 2008** и **26 марта 2000** — вот временные рамки актуальной государственной концепции. И одновременно рамки проблемы — что это за концепция, и каким образом она работает, сохраняя способность к самообновлению? Задолго до того, как *модернизация* стала официальной мантрой, новая власть в России проявила свой инновационный талант. Стабильность рейтингов доверия лидерам маскирует ряд всплеск рефрейминга, после каждой из которых Кремль восставал в новом облике — но на прежних политических и концепционных основаниях. В чем эти основания?

Возражая «дирижизму» Владислава Суркова, академик Евгений Ясин (старожил политики, бывший министром, когда ни Путина, ни Медведева еще

не пускали в Кремль), приводит знаменитый пример — гараж, где Стив Возняк собирал первый в мире персональный компьютер. Власть современной России действительно слабо адаптирована к такой инициативе. Если только не вспомнить, что сама Россия была, так сказать, «собрана в гараже», из подручных советских деталей. Здесь к двум мартовским юбилеям Путина и Медведева я присоединяю третий — юбилей самой России. **4 марта 1990** года прошли первые выборы в фиктивный парламент Советской России, самой фиктивной из «республик СССР». И в этом третьесортном политическом «гараже», заброшенным Михаилом Горбачевым за бесполезностью, вдруг возникла новая российская власть. Это ее голосом, с тех пор сильно окрепшим, говорит Сурков.

Креативное самомнение?

Интервью Суркова поясняет философию, объединившую команду Кремля во что-то большее, чем политический интерес. Ее подоплека — определенный тип обращения с властью, зародившийся одновременно с концептом «демократической и суверенной России» — российская власть остается **властью импровизаторов**. Как 20 лет тому назад она подхватила «носившуюся в воздухе» идею *российского суверенитета*, — наспех, без анализа и оценки, в поисках мимолетного лозунга для выборов в Верховный Совет Советской России — так она и продолжает экспериментировать. Идеи подбираются либо самой ситуацией, зачастую крайне опасной, либо группами доктринеров, наподобие команды Гайдара — и

последние тогда вдруг получают неслыханные преимущества и право программировать власть. С тех пор эта действующая модель сложилась в систему, все более уверенную в себе, устойчивую и часто успешную.

Интервью Суркова — яркий пример пафоса, который выдает нашу уникальную власть. Власть, которая изобрела себя и страну, видит себя уникальной. Не обязательно лучшей, а именно несравненной — ей не с кем себя сравнить.

В чем эта особенность и уникальность российской власти? Прежде всего, в том, что этой власти «все по плечу». В прошлом любая экстремальная задача решалась силами команды, собиравшейся *ad hoc* — и последняя из таких команд управляет Россией. Естественно, она уверена, что любая будущая задача может быть решена таким же способом. Если бы оказалось, что судьба России зависит не от инноваций, а скажем, от полета на Юпитер — власть организовала бы полет на этот чертов Юпитер. Если бы для единства России требовалось доказать физическую теорию струн, Кремль созвал бы математиков, и Сурков требовал бы строить Большой андронный коллайдер для поиска этих чертовых «струн»... Поэтому Кремль не опасается упреков Ясина в «дефектной демократии» — любой опасный дефект становится толчком к **креативному выпадку, инновационной экспансии** в иную область.

Власть именов экстремальности

Выбор политики модернизации связан с реальной оценкой российской и мировой геополитики. Но

не менее важно, что модернизация позволяет увидеть ситуацию как *чрезвычайную*. Здесь консенсус: либеральный критик Ясин согласен с Сурковым, что «для нас инновации – вопрос не роскоши, а выживания». Но тогда неясен его упрек Кремлю в «краткосрочности целей» – ведь выживание всегда краткосрочная цель. Эта цель хорошо распознается российской системой власти и российским обществом. **Чрезвычайность задач автоматически наделяет власть уникальной легитимностью.** Модернизация предоставляет национальный мандат чрезвычайности, подтверждая легитимность этой власти.

Именно через понятие «прогресс» – «по-этапность» лучше всего расшифровывается суть предложенной политики модернизации. *Президент Медведев явно прогрессист.* Он прямо говорит: «мы отстали», «мы – отсталая страна», «нам нужна модернизация». Но и для Медведева модернизация – не цель, а средство. Она инструментальна по отношению к неназываемой цели. Цель же описана им приземленно, риторикой здравого смысла – «стать одной из современных стран», «успешно конкурировать с соседями», «не опасаться за свое существование», «прекратить в стране безобразия» и «не упустить шанс».

Эта **исключительность власти** – ее привычное свойство. Оно не обсуждается ею самой, но и не отрицается. Сурков честно говорит: называете нашу модернизацию авторитарной, ну и ладно. Говорите про дирижизм – неважно. Вопрос в эффективности.

Долгий марш к нормальности

В каком-то смысле, политика Медведева – это версия «Путин 2.0». Модель становится более открытой, но в идеале раннего Путина она и была такой. Сис-

тема становится более плюралистической, но это та же модель. В марте 2000 года Путин пришел с идеей национального примирения, и функция им придуманного тандема – работоспособное примирение старого лидера с новым, вчерашнего и завтрашнего поколений.

Медведеву привычно внутри путинского социума власти. *Именно как «идеальный путинец», Медведев чувствует себя вполне уверенно.* У него есть основание под ногами, он знает, что «пришел не нарушить, а исполнить». Он добивается от системы нормы ее эффективности. Но здесь и начинаются проблемы – наш государственный аппарат вообще-то ограниченно лоялен к новому руководству. **Чрезмерный расчет на лояльность аппарата власти в России – частое и досадное заблуждение.**

Медведев постоянно возвращается к теме нормальности, ценности «нормальной жизни» и «нормального способа ведения дел». *Нет сомнения в том, что для президента нормальность – важная ценность.* Осо-

бенно, в отношении уставшей от экспериментального бытия России. Но очевиден и парадокс объединения задач «спасения нации» с построением «нормальной, комфортной жизни для населения». Власть искренне работает над тем, чтобы сделать Россию нормальной страной. Но собственно нормальная жизнь власти незнакома, поскольку никогда не была для нее контекстом, что вечно грозит власти надрывом и потерей чувства нормы.

Даже задача создания нормального правового государства Российского – а Медведев ведет к созданию регулярных институтов, в которых «одиокая власть» растворится, передав свою легитимность – даже эта задача ставится как «все или ничего». Но если власть действительно решит эту свою задачу, то *власти, отдельной от государства, не останется.* Будет власть государственных и правовых институтов. Тогда гений-одиночка – власть-импровизатор уйдет.

Если, конечно, страна ее отпустит. ■